

Николай Штейнгель
Теодорос Феофилакт

Русская сталь

Том 5

Николай Штейнгель
Русская сталь Том 5

«Автор»

2026

Штейнгель Н. А.

Русская сталь Том 5 / Н. А. Штейнгель — «Автор», 2026

.....

© Штейнгель Н. А., 2026

© Автор, 2026

Теодорос Феофилакт, Николай Штейнгель Русская сталь Том 5

Рюрик не спал уже третьи сутки. Он сидел в кабинете Филатова при свете единственной свечи, перебирал старые фотографии, письма, дневники. Руки его дрожали, но он не останавливался. Он знал: завтра он поедет в Сибирь. За телом. За наставником. За тем, кого он не успел спасти.

Кирилл спал в соседней комнате на диване, укрывшись шинелью. Мальчик не жаловался — он привык к походной жизни. Рюрик смотрел на него и думал: «Ты — его продолжение. Ты — его надежда. Ты — моя совесть».

Он встал, подошёл к окну. За стеклом занимался рассвет — серый, холодный, обещающий снег. Где-то там, на востоке, в тайге, на холме за деревней, лежал Филатов. Лежал и ждал. Ждал, когда за ним придут.

Поезд до Сибири шёл четверо суток. Рюрик не выходил из купе, не ел, почти не спал. Кирилл приносил ему чай, хлеб, но он отставлял нетронутым. Он смотрел в окно на проплывающие мимо леса, поля, реки — на ту самую землю, которую Филатов спас ценой своей жизни.

На станции их встретил Кремень. Старый генерал был бледен, опирался на трость, но держался прямо.

— Ваше Величество, — сказал он, опускаясь на колени. — Всё готово. Тело в часовне. Местные не давали его в обиду.

— Встань, — ответил Рюрик. — Веди.

Они поехали в деревню на машинах. Дорога была разбитой, в колдобинах, но император не замечал тряски. Он смотрел на лес, на снег, на небо, и в голове его крутились слова: «Федя, я иду. Прости, что поздно».

Дед Михей встретил их на околице. Старый плотник совсем одряхлел, едва стоял на ногах, опирался на клюку, но глаза его были ясными.

— Ждал, — сказал он. — Знал, что придёте.

— Где он? — спросил Рюрик.

— В церкви. Идите за мной.

Часовня стояла на холме, окружённая старыми соснами. Снег укрывал её крышу, и крест на куполе казался чёрным на сером небе. Внутри было темно, пахло ладаном и сыростью. В центре, на самодельном столе, накрытый белой простынёй, лежал Филатов.

Рюрик подошёл, опустил на колени. Руки его дрожали. Он откинул край простыни — и увидел лицо наставника. Спокойное, умиротворённое, без морщин, которые годами прорезала

война. Он казался спящим. Но холодная, восковая кожа и запах, который ни с чем не спутаешь, говорили о том, что это — сон вечный.

— Федя, — прошептал Рюрик. — Я пришёл. Прости, что поздно.

Кирилл стоял рядом, держась за руку отца. Мальчик смотрел на деда и не плакал. Он только сжимал в руке ремень — тот самый, старый, потёртый, который Филатов носил на левой руке тридцать лет.

— Деда, — сказал он, — ты спишь? Проснись.

Тишина. Только ветер выл за стенами да где-то далеко плакал ребёнок.

— Деда, — повторил мальчик, — ты обещал научить меня стрелять. Ты не можешь умереть.

Рюрик взял сына на руки, прижал к себе.

— Он не умер, — сказал он. — Он просто ушёл вперёд. Как всегда. Мы догоним его. Когда-нибудь.

Тело Филатова обмыли, облачили в новый мундир — тот самый, который он носил при жизни, с ремнём на левой руке. Штандарт Филатовых — чёрно-синебелый, с трёхглавым орлом — положили на грудь. Флаг Российской империи — жёлто-чёрно-белый — укрыл его ноги. Казачью шашку, на которой было выцарапано письмо к потомкам, прикрепили к боку.

Рюрик приказал везти тело в Петроград. Дед Михей хотел возразить, но передумал. Он знал, что император прав. Филатов должен быть похоронен с почестями. Не в тайге, не в глухой деревне, а в столице, где ему поставят памятник и где будут приходить люди, чтобы поклониться его памяти.

Поезд с телом шёл медленно. На каждой станции люди выходили на перрон, несли цветы, венки, лампадки. Они стояли молча, крестились, плакали. Весть о том, что везут Филатова, разнеслась по всей России быстрее телеграфа.

В Петрограде гроб встречала вся столица. От вокзала до Зимнего дворца выстроились войска — гвардейцы, казаки, «тени». Тысячи людей стояли вдоль улиц, и тишина была такой, что слышно было, как снег падает на землю.

Гроб несли на руках. Рюрик шёл впереди, с непокрытой головой, с ремнём Филатова на левой руке. За ним — Кирилл, Фёдор Филатов-младший, Кремень, ветераны. Процессия двигалась медленно, и каждый шаг был как прощание. Как последний раз.

Памятник Филатову решили поставить на Дворцовой площади, у Александровской колонны. Рюрик сам выбрал место. Он хотел, чтобы наставник смотрел на город, который он спас. Чтобы его бронзовое лицо всегда видело Неву, купола Исаакия, шпиль Петропавловского собора.

Похороны состоялись в самый холодный день зимы, когда мороз стоял трескучий, а ветер выл, как раненый зверь. Отпевал Филатова митрополит

Петроградский, тот самый, который когда-то венчал Рюрика на царство. Старый священник стоял у гроба, читал молитву, и голос его разносился над площадью, над тысячами застывших в молчании людей.

— Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Феодора, — сказал он. — Прости ему грехи вольные и невольные. И даруй ему Царствие Небесное.

Толпа закрестилась. Рюрик стоял у гроба, не двигаясь. Кирилл держал его за руку.

— Деда, — прошептал мальчик, — ты теперь на небе. Смотри на нас. Не забывай.

Гроб опустили в могилу. Рюрик бросил горсть земли. Кирилл — свою. Ветераны, стоявшие в первых рядах, плакали. Кремень, опираясь на трость, вытер слезу.

— Прощай, Федя, — сказал Рюрик. — Ты был мне больше чем отцом. Ты был совестью. Я постараюсь не подвести тебя.

Памятник открыли через год. Рюрик стоял у подножия, глядя на бронзовое лицо наставника, и вспоминал их первую встречу в окопах под Питером. Как Филатов вытащил его из грязи, как прижал к земле, когда упала бомба. Как сказал: «Слышишь? Это вертолёт. Последний. Он идёт за тобой».

С тех пор прошла целая жизнь. Войны, победы, поражения, смерть, возрождение. Филатов был рядом всегда — живой, мёртвый, но всегда. И теперь, когда он ушёл навсегда, Рюрик знал, что его дело не умрёт. Его дело продолжат сын, внуки, правнуки.

— Спи спокойно, Федя, — сказал он. — Мы не подведём.

Два года после смерти Филатова пролетели как один день. Рюрик не замечал времени — он работал, строил, подписывал указы, ездил по стране, встречался с людьми. Он не позволял себе отдыхать, потому что отдых напоминал о тишине, а в тишине он слышал голос наставника. Не тот, который шептал: «Ты справился, Князь». А тот, который молчал. И это молчание было страшнее любых слов. Кирилл учился в кадетском корпусе, становился старше, серьёзнее. Он редко приезжал в Зимний — только на выходные, когда позволяла учёба. Рюрик скучал по нему, но не показывал. Императоры не скучают. Императоры работают.

Однажды, в субботу, когда снег укрыл Петроград особенно густо, Кирилл приехал с коробкой, перевязанной бечёвкой. Он поставил её на стол в кабинете Филатова и сказал:

— Папа, это тебе. Я сам сделал.

Рюрик развязал бечёвку. В коробке лежала деревянная модель танка «Тень» — того самого, который когда-то спас Россию. Модель была сделана руками сына — неидеально, но с любовью. Краска кое-где потекла, колёса были кривоваты, но в ней жило тепло.

— Спасибо, — сказал Рюрик, и голос его дрогнул. — Это лучший подарок.

— Я хотел, чтобы ты не забывал, — сказал Кирилл. — Что мы победили. Что деда Филатов не зря жил.

— Я не забываю. Я никогда не забуду.

Они поставили модель на стол рядом с портретом Филатова. Рюрик смотрел на неё и вспоминал те дни, когда «тени» только начинали свой путь, когда танки горели, как свечи, когда солдаты умирали, но не сдавались.

Фёдор Филатов-младший часто приходил в Зимний. Он работал в архиве, разбирал бумаги, оставшиеся после отца, и иногда находил такие документы, которые заставляли его плакать. Однажды он принёс Рюрику письмо, написанное рукой Филатова, но не отправленное. На конверте было написано: «Сыну, если найду». Внутри — несколько строк, выведенных левой рукой:

«Прости, что не был рядом. Прости, что не смог уберечь. Прости, что не нашёл. Знай: я любил тебя. Всегда. Даже когда не знал, где ты. Даже когда думал, что ты умер. Ты — моя кровь. Ты — моё продолжение. Не повторяй моих ошибок. Но будь сильным. Будь честным. Будь Филатовым».

Рюрик прочитал письмо, передал Фёдору.

— Он написал это за год до смерти, — сказал он. — Он всё ещё надеялся.

Фёдор не плакал. Он сложил письмо, спрятал в нагрудный карман и вышел.

Весной того года, когда снег растаял и Нева тронулась, в Петроград приехал Казбек-Верный. Старый князь был сед, сгорблен, но глаза его горели, как в молодости. Он привёз с собой подарок — кавказскую бурку, которую когда-то носил его отец, и кинжал с золотой насечкой.

— Ваше Величество, — сказал он, кланяясь, — я пришёл поблагодарить вас за всё. За то, что вы сделали для Кавказа. За то, что вы сделали для России.

— Не меня благодарите, — ответил Рюрик. — Филатова. Он спас нас всех.

— Я знаю, — сказал Казбек. — Я пришёл поклониться его могиле.

Они поехали на Дворцовую площадь. Старый князь долго стоял у памятника, сжимая в руке шапку. Потом опустился на колени и прошептал что-то на своём языке. Рюрик не понял слов, но понял смысл. Это была молитва. Молитва о покое. Молитва о благодарности. Молитва о том, чтобы такие войны больше никогда не повторялись.

Лето выдалось жарким. Рюрик объехал западные границы, проверил, как идёт восстановление городов, встретился с королями, которых посадил на троны. Они боялись его, но он не хотел страха. Он хотел уважения. И он его получил.

В Берлине, где ещё не зажили шрамы бомбёжек, к нему подошла старуха в чёрном платке.

— Вы император? — спросила она.

— Да, — ответил Рюрик.

— Мой сын воевал против вас. Он погиб под Смоленском. Я не держу на вас зла. Вы сделали то, что должны. Я хочу, чтобы вы знали: я молюсь за упокой его души. И за вашу — тоже.

Рюрик смотрел на неё, и в его голове крутились слова Филатова: «На войне нет правых и виноватых. Есть живые и мёртвые. И те, кто остался, должны жить дальше».

— Спасибо, мать, — сказал он. — Ваш сын был солдатом. Он выполнял свой долг. Я помолюсь за него.

Старуха перекрестила его и ушла.

Осенью в Петрограде открыли первый музей войны. Экспонатов было много — оружие, форма, документы, фотографии. Рюрик пришёл на открытие с Кириллом. Они прошли по залам, останавливаясь у витрин. В одной из них лежал ремень Филатова — тот самый, старый, потёртый, который Рюрик отдал на хранение, чтобы люди могли видеть, кем был этот человек.

— Папа, — спросил Кирилл, — а почему ты отдал ремень? Он же был твоим талисманом.

— Потому что он нужен не мне, — ответил Рюрик. — Он нужен всем. Чтобы люди знали, какой ценой досталась победа. Чтобы помнили.

Кирилл кивнул, и в этом кивке было столько взрослого, столько понимания, что Рюрик, глядя на сына, вдруг понял: Филатов не умер. Он живёт в этом мальчике, в его глазах, в его характере, в его готовности идти до конца. И пока Кирилл жив, Филатов будет рядом.

Зимой Фёдор Филатов-младший пришёл к Рюрику с просьбой. Он хотел поехать в Сибирь, к могиле отца, и взять с собой детей. Рюрик не возражал. Он выделил им поезд, машины, охрану. Сам не поехал — не мог. Слишком тяжело было возвращаться туда, где он в последний раз видел наставника живым.

Фёдор уехал в январе, когда мороз стоял трескучий, а дороги замело. Он вернулся через месяц, измученный, но спокойный. Он сказал Рюрику:

— Я поговорил с ним. С отцом. Сказал всё, что не успел. Сказал, что люблю его. Сказал, что горжусь им. Сказал, что не подведу.

— А он? — спросил Рюрик. — Он ответил?

— Ветер, — сказал Фёдор. — Я услышал ветер. Но мне показалось, что это он. Что он рядом.

Рюрик обнял его. Два старых друга, два брата, две потери, которые нельзя восполнить.

Весна следующего года принесла новые заботы. Кирилл закончил кадетский корпус с отличием и поступил в Императорский университет. Рюрик гордился им, но не показывал. Он знал, что похвала расслабляет, а критика закаляет. Но в душе он радовался. И верил, что Филатов тоже радуется.

Летом Рюрик решил устроить поездку по России. Не императорскую, не официальную — простую, семейную. Он взял Кирилла, Фёдора с женой и детьми и отправился в путь. Они ехали на поезде, останавливались в маленьких городах, ходили по рынкам, разговаривали с людьми. Никто не узнавал императора — он был в простой одежде, без охраны, без помпы. Он был просто человеком. Таким же, как все.

В одной из деревень к ним подошёл старый солдат. Он был без ноги, опирался на костыль, но держался прямо.

— Вы Филатов? — спросил он, глядя на Рюрика.

— Нет, — ответил император. — Филатов умер. Я — его ученик.

— Жаль, — сказал солдат. — Он был хорошим человеком. Жёстким, но справедливым.

— Он был лучшим, — сказал Рюрик. — Я помню его. Всегда.

Они разговорились. Солдат рассказал, как воевал под командованием Филатова, как тот спас его из окружения, как вытащил из-под огня, рискуя собой. Рюрик слушал, не перебивая. Ему казалось, что он слышит голос наставника. Не тот, который шепчет — тот, который живёт в памяти людей.

— Спасибо вам за вашу службу, — сказал Рюрик на прощание.

— Не мне спасибо, — ответил солдат. — Ему. Филатову.

Они поехали дальше. Кирилл молчал, глядя в окно. Потом сказал:

— Папа, я хочу быть таким, как деда. Чтобы меня помнили. Чтобы меня уважали.

— Будь собой, — ответил Рюрик. — И помни о нём. Тогда всё получится.

Поездка заняла два месяца. Они объехали десятки городов, сотни деревень. Рюрик видел, как Россия поднимается из руин. Как строятся новые дома, как открываются заводы, как засеваются поля. Он видел улыбки на лицах людей. И он знал, что это — победа. Не та, о которой кричат на парадах, а та, которая живёт в сердцах.

Вернувшись в Петроград, Рюрик написал письмо Фёдору Филатову-младшему. Не официальное, не казённое — простое, тёплое:

«Фёдор. Спасибо тебе за то, что ты есть. За то, что ты напоминаешь мне о твоём отце. За то, что ты продолжаешь его дело. Я не знаю, что будет завтра. Я не знаю, сколько мне осталось. Но я знаю одно: пока мы помним, Филатов жив. Пока мы вместе, Россия жива.

Твой брат, Рюрик».

Фёдор ответил через неделю. В ответе было всего несколько строк:

«Рюрик. Я тоже не знаю, что будет завтра. Но я знаю, что мой отец гордился бы тобой. И я горжусь. Спасибо за всё. Твой брат, Фёдор».

В тот вечер Рюрик долго сидел у окна, глядя на Неву. Кирилл принёс чай, сел рядом.

— Папа, ты чего грустный?

— Не грустный, — ответил Рюрик. — Задумчивый.

— О чём?

— О том, как быстро летит время. Кажется, только вчера мы были в окопах под Питером. А сегодня уже — я старик, а ты почти взрослый.

— Ты не старик, — сказал Кирилл. — Ты — император. А императоры не стареют.

Рюрик усмехнулся.

— Ты прав, — сказал он. — Императоры не стареют. Они просто уходят вперёд. Как Филатов.

Они сидели молча, глядя на закат. За окном кружились снежинки — первые в этом году.

Та ночь, когда Рюрик и Кирилл сидели у окна, глядя на первый снег, стала для императора поворотной. Он вдруг остро почувствовал, что время уходит, что годы, которые он считал бесконечными, на самом деле сжались до размеров тонкой нити, которую вот-вот перережут. Филатов ушёл. Белов ушёл. Мороз ушёл. Кремень, старый вояка, едва передвигал ноги, но всё ещё приходил во дворец по утрам, докладывал обстановку, пил чай и рассказывал истории, которые никто уже не помнил. Рюрик слушал его и не перебивал. Он знал, что скоро и Кремня не станет. А потом — и его самого.

Кирилл словно чувствовал это. Он стал чаще приезжать из университета, подолгу сидел с отцом, слушал его рассказы о войне, о Филатове, о том, как они вместе шли по окопам под Питером. Мальчик уже не был мальчиком — он превращался в мужчину, и в его глазах, чёрных, глубоких, горела та самая серьёзность, которую Филатов называл «породой». Рюрик смотрел на сына и видел в нём не только себя, но и наставника. Тот же упрямый подбородок, та же прямая спина, тот же огонь, который не гаснет даже в самый тёмный час.

— Папа, — спросил однажды Кирилл, — а ты боишься смерти?

— Нет, — ответил Рюрик. — Я боюсь не успеть.

— Что не успеть?

— Всё. Передать тебе то, что знаю. Научить тебя тому, что умею. Сделать так, чтобы ты был готов, когда меня не станет.

— Я готов, — сказал Кирилл. — Нет, — покачал головой император. — Ты думаешь, что готов. Но это не так. Готовность приходит не сразу. Она приходит с опытом, с болью, с потерями. Ты ещё молод. У тебя всё впереди.

Они замолчали. За окном кружил снег, и где-то далеко, на Дворцовой площади, горели огни — там, где стоял памятник Филатову.

Зима 2069 года выдалась суровой. Мороз под сорок держался две недели, и даже старые дворники, привыкшие к петербургской погоде, ворчали, что таких холодов не помнили со времён войны. Рюрик почти не выходил из дворца — старые раны ныли, сердце работало с переборами. Врачи советовали отдых, лечение, юг. Император отмахивался. Он не мог уехать, не мог оставить страну, которая только начинала подниматься из руин.

Кирилл приезжал каждый вечер. Они ужинали вдвоём, говорили о делах, о политике, о будущем. Рюрик учил сына читать донесения, отличать правду от лжи, видеть, где враг, а где друг. Кирилл слушал, запоминал, иногда спорил. Он не боялся возражать отцу — Филатов учил его, что страх парализует, а спор закаляет.

Однажды за ужином Рюрик сказал:

— Я хочу, чтобы ты съездил в Сибирь. Один. К могиле деда.

— Зачем? — спросил Кирилл.

— Попрощаться. По-своему. Ты никогда не был там после похорон. Пришло время.

Кирилл не спорил. Он собрался через три дня, взял с собой только рюкзак, ремень Филатова и отцовское благословение. Поехал на поезде, как простой человек, без охраны, без помпы. В Сибири его встретил дед Михай — старый плотник был ещё жив, но уже не вставал с постели. Он лежал на печи, укрытый овчиной, и смотрел на потолок мутными, слезящимися глазами.

— Знал, что приедешь, — прошептал он, когда Кирилл вошёл в избу. — Похож на деда. Глаза — его.

— Я пришёл попрощаться, — сказал Кирилл. — С ним. И с тобой.

— Со мной рано, — усмехнулся Михай. — Я ещё поживу. А он — там. На холме. Ждёт.

Кирилл поднялся на холм. Крест стоял прямо, не покосившись, не сгнив. Штандарт Филатовых — чёрно-сине-белый, с трёхглавым орлом — трепал ветер, но держался. Флаг империи — жёлто-чёрно-белый — тоже. Кирилл опустился на колени, достал ремень, положил у подножия.

— Деда, — сказал он. — Я приехал. Я вырос. Я помню тебя. Я помню, как ты учил меня не бояться. Я помню твой ремень, твои глаза, твой голос. Ты сказал: «Не бойся смерти. Бойся того, что после тебя не останется ничего». Я не боюсь. Я буду жить. Я буду править. Я сделаю так, чтобы Россия помнила тебя.

Ветер донёс до него шум леса, крик птицы, далёкий гул реки. И ему показалось, что он слышит голос Филатова: «Знаю, внук. Знаю. Я горжусь».

Кирилл простоял у могилы до вечера. Когда солнце село и небо окрасилось в багровые тона, он поднялся и пошёл в деревню. Дед Михей уже спал. Кирилл не стал его будить. Он оставил на столе краюху хлеба и банку мёда — гостинец от императора.

Вернувшись в Петроград, Кирилл рассказал отцу о поездке. Рюрик слушал, не перебивая, и в его глазах блеснули слёзы.

— Ты сделал правильно, — сказал он. — Теперь он спокоен.

— Он всегда был спокоен, — ответил Кирилл. — Он знал, что мы не подведём.

Весной Кремень умер. Старый генерал скончался во сне, на руках у внука. Ему было восемьдесят семь лет. Он пережил две войны, три революции, четырех императоров. Он видел, как рушилась и возрождалась Россия. И он ушёл спокойно, потому что знал: дело его жизни продолжено.

Похороны Кремня стали последним напоминанием о той эпохе, когда ковалась победа. Ветераны, ещё оставшиеся в живых, пришли проститься с боевым товарищем. Они стояли у гроба, седые, сгорбленные, с орденами на груди, и плакали. Рюрик произнёс речь:

— Генерал Кремень был верным псом России. Он не предал, не сдался, не побежал. Он стоял до конца. Мы будем помнить его. Мы будем помнить всех, кто отдал жизнь за нашу свободу.

Кремня похоронили на Литераторских мостках, рядом с другими великими людьми. Рюрик стоял у могилы, сжимая в руке ремень Филатова, и думал о том, что время неумолимо. Оно стирает лица, имена, события. Но память — если её беречь — остаётся.

Лето 2069 года выдалось жарким и сухим. Поля, засеянные пшеницей, колосились, обещая хороший урожай. Заводы, восстановленные после войны, работали на полную мощность. Люди, уставшие от голода и разрухи, начинали улыбаться. Рюрик часто выезжал в народ, ходил по рынкам, разговаривал с крестьянами, слушал их жалобы. Он не обещал золотых гор — он давал работу, хлеб, надежду.

Однажды в деревне под Тверью к нему подошёл мальчик лет десяти. Он был босым, в рваной рубахе, с вихром на затылке.

— Ты император? — спросил он.

— Да, — ответил Рюрик.

— А мой дед говорит, что ты спаситель. Что ты освободил нас от врагов.

— Не я, — сказал Рюрик. — Филатов. Он освободил вас от врагов. А я просто доделал его дело.

— А кто такой Филатов?

Рюрик опустил на корточки, посмотрел мальчику в глаза.

— Филатов — это человек, который научил меня быть императором. Он спас Россию. Он отдал свою жизнь за то, чтобы ты мог жить в мире. Помни его имя.

Мальчик кивнул и убежал. Рюрик смотрел ему вслед и думал: «Вот оно, будущее. Не в танках, не в самолётах, не в законах. В детях. В их памяти. В их вере».

Осенью Фёдор Филатов-младший завершил работу над дневниками отца. Книга была готова к печати. Рюрик просмотрел рукопись, вычеркнул несколько строк, которые показались ему слишком личными, и подписал разрешение на публикацию.

— Люди должны знать правду, — сказал он. — Какой бы горькой она ни была.

— Отец был бы рад, — ответил Фёдор.

— Он был бы рад, что ты рядом. Что его внуки растут. Что Россия жива.

В декабре книга вышла в свет. Называлась она «Слуга Бога, царя и России. Дневники полковника Ф.А. Филатова». Разошлась мгновенно. Люди читали, перечитывали, передавали из рук в руки. В письмах, которые приходили в Зимний, были и слёзы, и благодарность, и гнев — кто-то не мог простить Филатову его жестокости. Но большинство понимало: он был прав. Он делал то, что должен был. И он спас Россию.

Рюрик, перечитывая дневники, каждый раз находил что-то новое. То, чего не замечал раньше. Он видел, как Филатов писал о нём, о Кирилле, о Белове, о Морозе. Видел, как он боялся, как сомневался, как молился. И понимал, что его наставник был не просто учителем — он был человеком. Таким же, как все. Только с большей болью и большей верой.

Однажды, в канун Рождества, Рюрик пошёл к памятнику Филатова. Снег падал крупными хлопьями, укрывая город белым, чистым покрывалом. У подножия горели свечи, лежали цветы, венки. Люди стояли молча, и в этой тишине было больше, чем в любых речах.

Рюрик опустил на колени, коснулся бронзовых ступней.

— Федя, — сказал он. — Ты знаешь, я иногда думаю: а что, если бы не ты? Что, если бы мы не встретились тогда, в окопах под Питером? Где бы я был сейчас? Мёртв? Или жив, но никем?

Ветер стих. Снежинки замерли в воздухе. И Рюрику показалось, что он слышит голос наставника: «Ты был бы там, где должен. Потому что ты — Романов. А Романовы не исчезают. Они просто ждут своего часа».

Император улыбнулся, встал и пошёл в Зимний. Завтра был новый день. Новые заботы. Новая жизнь.

2070 год. Кириллу исполнилось двадцать. Рюрик решил, что пора официально объявить сына наследником престола. Церемония прошла в Георгиевском зале, в присутствии ветера-

нов, министров, депутатов. Кирилл стоял у трона, прямой, как штык, с ремнём на левой руке — тем самым, старым, потёртым, который Филатов носил тридцать лет, а потом передал Рюрику, а Рюрик — ему.

— Клянусь, — сказал Кирилл, — быть достойным своих предков. Клянусь беречь Россию. Клянусь помнить о тех, кто отдал жизнь за её свободу. Клянусь, что никогда не предам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.